

Работа поддержана грантами *Western Michigan University*:
исследовательским грантом и мини-грантом
Timothy Light Center for Chinese Studies,
наградой *Support for Faculty Scholars Award*, а также фондом
Publication of Papers and Exhibition of Creative Works.

Список иллюстраций

Рис. 1. «Препятствия на пути к участию женщин в политике».

Рис. 2. Китайская суфражистка бьет полицейского во время протестной акции в Нанкине в 1912 году.

Рис. 3. Подлинный эротичный облик Сунь Бэйчжэнь.

Рис. 4. Сунь Бэйчжэнь, сидя на ночном горшке и массируя пальцы ног, рассуждает с двумя политиками о правах женщин.

Рис. 5. Сунь Бэйчжэнь вскакивает на сцену и бьет Чжуна Сяожуня.

Рис. 6. Оуян Юйцянь в роли Пань Цзиньлянь.

Благодарности автора

Интерес к изменению положения женщин в обществе я стала проявлять, когда училась в магистратуре в Пекине. В 2007 году я перевела статью швейцарского китаевода Рауля Давида Финдайзена (1958–2017) о Чжан Чжаохэ, жене Шэня Цунвэня, одного из наиболее широко известных китайских писателей первой половины XX века. С этого началось мое знакомство с захватывающими историями китайок того времени, которые сумели управлять своими мужьями. Через несколько лет, когда я готовилась к защите диссертации в США, мое восхищение уступило место замешательству. Задания по изучению «новых женщин» были сфокусированы на образах, созданных писателями-мужчинами, работавшими под влиянием Движения 4 мая. В этих произведениях персонажи «новых женщин» были либо объектами мужской критики, либо слишком закомплексованными и неспособными идти по выбранному пути, то есть явно отличались от исторических личностей, о которых я читала ранее. Заметив это несоответствие, я начала изучать работы многочисленных авторов, помимо тех, кто был вдохновлен Движением 4 мая, чтобы найти описания женщин того времени в разных жанрах. В традиционной китайской литературе мне часто встречались образы строптивниц, и я поняла, что составители учебной программы, вероятно, игнорировали взаимосвязь между ними и «новыми женщинами». Это открытие сподвигло меня на исследование такой связи, которое в итоге приняло формы диссертации и этой книги.

Огромную помощь в проведении этого исследования мне оказали мои преподаватели и коллеги, а также ученые, с которыми я общалась в разное время и при разных обстоятельствах. Семинары по китайской литературе позднего периода импера-

торского правления и по формированию «новой женщины», которые в университете Орегона вели Марам Эпштейн и Цзе-лань Сан соответственно, дали мне первое представление о старых и новых моделях женского поведения, а также о том, как менялось обсуждение этих моделей. Я глубоко признательна Марам за внимательное прочтение и рецензирование моих научных работ, за переписку с ней поздними вечерами и в выходные, и — что особенно важно — за ее многолетнюю веру в меня. Я благодарна Лань Сан за то, что она постоянно направляла меня в моих исследованиях и выборе работы даже после того, как она уехала из Орегона. Я благодарна также Брине Гудман за подробную информацию по истории Китая первой половины XX века, которая помогла мне улучшить мои тексты. Я признательна Элисон Гроппе и Рою Чаню за их работу в ученом совете, который рассматривал мою диссертацию, а также за помощь, которую они оказали мне в получении и в интерпретации информации.

Я также выражаю признательность другим ученым. Гейл Хершаттер прочитала мою диссертацию и дала на нее прекрасный отзыв, благодаря которому стало возможно издание книги на ее основе. Луиз Эдвардс в рецензии на опубликованную в виде статьи первую главу рекомендовала мне усилить аргументацию и поделилась своими соображениями о материале о китайских суфражистках. Кристофер Ри изложил мне свою оценку примеров популярных китайских СМИ первой половины XX века, что помогло мне расширить кругозор при работе над информацией о том периоде. Кроме того, Гейл Хершаттер, Сюэпин Чжун и Эмили Хониг модерировали организованные мной дискуссии, связанные с темой этой книги, и сделали важные замечания.

Эта книга не вышла бы в свет, если бы у меня не было позитивной рабочей атмосферы. Сначала в Университете Юга, а потом в Западно-Мичиганском университете мне повезло с готовыми помочь коллегами, с надежным финансированием и с уверенными в своих силах студентами. Я благодарна сотрудникам кафедры азиатских исследований Университета Юга и кафедры иностранных языков и литературы Университета Западного Мичигана за поддержку моего профессионального роста. Я признательна со-

трудникам Центра исследований Китая имени Тимоти Лайта Университета Западного Мичигана за продвижение моей книги в печатных изданиях и на конференциях.

Изданию этой книги способствовала спонсорская поддержка. Стипендия для аспирантов Орегонского университетского гуманитарного центра была направлена на мою поездку за границу с целью поиска архивных источников. Европейская ассоциация исследований Китая оказала мне большую честь, присудив Премию молодого ученого в 2018 году за работу, основанную на ранних версиях глав этой книги. В 2020 году Женское сообщество Колледжа гуманитарных и естественных наук Университета Западного Мичигана наградило меня премией за поддержку гендерного равенства в научной среде, что помогло мне продолжить исследования образов китайских женщин.

Я благодарна трем научным журналам за их скрупулезные обзоры и за разрешение использовать опубликованные ими материалы в первой и в третьей главах этой книги, а также в эпилоге к ней. Это журнал *Modern Chinese Literature and Culture*, который теперь выпускает *Edinburgh University Press*, журнал *Nan Nü: Men, Women and Gender in China* издательства *Brill*, а также журнал *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews*, публикуемый Висконсинским университетом в Мэдисоне. Я выражаю благодарность двум рецензентам издательства *Cornell University Press* за детальные комментарии к моей рукописи и за их признание вклада этой книги в изучение Китая и гендерных проблем. Я признательна моим редакторам Адексис Симон и Эллен Лаббейт, а также корректору Аманде Хеллер за правку моей работы и за то, что они сопровождали меня на всех этапах издательского процесса, который привел появлению этой книги. Я благодарю Мию Рено и команду маркетологов *Cornell University Press* за помощь в продвижении этой книги.

Наконец, я признательна членам моей семьи, живущим в Китае и в Соединенных Штатах за понимание того, что для достижения моей мечты мне требовалось много времени и пространства. Спасибо моей маме, которая стала для меня примером стойкой женщины, а также моему мужу и моему сыну за то, что они делят со мной тяготы жизни.

Часто цитируемые газеты и журналы

Айго Байхуа бао 愛國白話報
Айго бао 愛國報
Бэйпин жибао 北平日報
Бэйцзин нюйбао 北京女報
Бэньлю 奔流
Говэнь чжоубао 國聞週報
Да ваньбао 大晚報
Дагун бао 大公報
Дунфан цзачжи 東方雜誌
Жичжи бао 日知報
Жэньминь вэньсюэ 人民文學
Минь бао 民報
Миньго жибао 民國日報
Миньли бао 民立報
Нюйцзы байхуа бао 女子白話報
Си бао 戲報
Синхуа бао 醒華報
Синь минь бао 新民報
Синь нюйсин 新女性

Синь циннянь 新青年
Синьвэнь бао 新聞報
Сяошо жибао 小說日報
Фунюй Цзачжи 婦女雜誌
Фунюй чжоубао 婦女週報
Фунюй шибао 婦女時報
Фунюй шэнхо 婦女生活)
Цзефан жибао 解放日報
Цзюэ у 覺悟
Цици юэкань 七七月刊
Цюньцян бао 群強報
Чжунго жибао 中國日報
Чжунъян жибао 中央日報
Ши бао 時報
Шиши синьбао 時事新報
Шуньтянь Шибао 順天時報
Шэнцзин шибао 盛京時報
Шэнь бао 申報
Шэньчжоу жибао 神州日報

Введение

Параллели между строптивицей и «новой женщиной»

В 1992 году поп-звезда Мадонна заявила: «Я амбициозна, я точно знаю, чего хочу. Если это значит, что я — сука, ну и пусть». Ее заявление прозвучало вызовом превосходству мужчин и их привычке сдерживать сильных женщин унижающими словами. Оно показало, как женщины могут вступить за себя, превращая оскорбления в достоинства. Почти через два десятилетия после того, как Мадонна придала новое звучание слову «сука», международное движение «Парад шлюх» (SlutWalk) по-новому трактовало понятие «шлюха». Протестовавшие — как женщины, так и мужчины — с гордостью произносили это слово, используя его как вербальный символ борьбы с оскорблениями по гендерному признаку. Подобно им, авторы и критики, работы которых рассматриваются в этой книге, по-новому подходили к образу строптивой китаянки, используя его для описания поведения женщин, ставшего приемлемым в первой половине XX века.

Эта книга — результат изучения ранее неисследованных связей между образами традиционных строптивниц и типажам женщин этого периода в Китае, а также преемственности в их поведении. Интерес общества к образу непокорной женщины не исчез в начале прошлого века, в условиях модернизации Китая. Скорее, этот ранее негативный образ вписался в новый контекст меняющейся социальной среды и эволюционировал вместе с процессом эмансипации. На основе повторяемого, но поменявшего смыс-

ловое значение вокабуляра, образов и аллюзий в этой книге показано, как и почему типаж строптивицы избавился от негативной коннотации и приобрел значимость в Китае времен буржуазной республики и при власти коммунистов.

Строптивица

«Строптивица» — это бытовой оскорбительный термин, субъект социальной реальности или исторический элемент, а также собирательный образ, появившийся в результате женоненавистничества писателей мужского пола. Повествования о таких женщинах часто встречаются в китайских литературных и исторических текстах, написанных до начала XX века. Пик их популярности пришелся на XVII век, когда появились многочисленные комедии, сатирические произведения и романы на эту тему¹. Среди наиболее известных образов строптивниц в литературе времен династий Мин и Цин — Пань Цзиньлянь из романа «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь пин мэй» 金瓶梅), Сюэ Суцзе из романа «Узы брака, пробуждающие мир» («Синши иньюань чжуань» 醒世姻緣傳) и Ван Сифэн из романа «Сон в красном тереме» («Хунлоу мэн» 紅樓夢). Все эти персонажи — сильные женщины, с амбициями, желаниями и жестокосердием. Их неукротимость представлена в романах как противоположность идеальному поведению женщины, предписанному нравственными канонами конфуцианства.

В литературе позднего периода правления императоров в Китае образы непокорных женщин встречаются часто, но в китайском языке нет единого термина для обозначения этого распространенного типа характера. Таких женщин называют *цзефу* (節婦), противопоставляя целомудренным и добродетельным. В традиционных текстах они обычно представлены в парах с мужьями-подкаблучниками (*цзюньэй* 懼內; *па лаопо* 怕老婆), а сюжеты сфокусированы на мужчинах, которые становятся их жертвами.

Отсутствие в китайском языке единого термина для характеристики своенравных женщин не мешает использовать для

этого английское слово *shrew* (строптивница). В этой книге, в соответствии с современными научными подходами, это слово используется для краткого обозначения женщин такого типа².

В произведениях, написанных до начала XX века, строптивницами называли женщин трех категорий. К первой категории относили *пофу* (潑婦) — несдержанных, необычных, загрязняющих. Распутных женщин называли *иньфу* (淫婦) или *данфу* (蕩婦), а жестоких — *ханьфу* (悍婦). К характеристикам несдержанных, раскованных женщин следует отнести склонность к неупорядоченным действиям, так как первый иероглиф в их обозначении переводится как «разбрасывать», «проливать», «разбрызгивать». Часто этот термин применялся к строптивницам всех типов [McMahon 1995]. В отличие от западного подхода к изображению строптивниц, который предполагает использование этого образа как комичного, китайская строптивая женщина обычно более опасна и непривлекательна. По логике адептов неоконфуцианства, — сформировавшегося в Средние века ответвления классического конфуцианства — непристойные желания и поведение открывают путь к трагедии [Liu 2018]. Китайки-строптивницы с их бесстрашным отрицанием всех гендерных норм были главной угрозой основанным на конфуцианстве социальным структурам. Это были амбициозные женщины, желавшие отмены патриархата и достижения собственных целей. Эти женщины были ревнивыми, они хотели управлять в семье своими соперниками и соперницами. Это были суровые женщины, которые мечтали подавлять своих недругов и противились полигамии, даже если это угрожало продолжению династий их мужей. Они были гневливы и готовы постоянно обижать и оскорблять людей, применять к ним физическое насилие. Они были похотливы и сексуально опасны, они сознательно использовали свою привлекательность для соблазнения, доминирования и убийств.

Исследователи художественных произведений периода династий Мин и Цин писали об «упадке литературы о строптивницах», пришедшем после ее рассвета в позднем периоде императорского правления³. Указывая на неуместность негативного образа таких женщин с учетом изменившегося положения женщин в Китае

в начале XX века, это утверждение возводит барьер между традициями и современностью в части определения женской идентичности. Также широко распространено мнение, согласно которому формирование «нового» Китая на рубеже веков в значительной мере сопровождалось борьбой со строптивостью женщин. Например, в опубликованной в 1906 году статье о строительстве учебно-производственного центра для осужденных женщин автор критиковал негативные черты женского характера, в том числе бесстыдство, завистливость, леность и половую распущенность [Лунь 1906]. В рамках начавшегося в 1890-е годы тренда освещения «женского вопроса» характерные для строптивых женщин черты в статье относятся к коренным причинам упадка страны, а потому, по мнению автора, они должны стать целью реформ, и отказ от них станет отправной точкой для коренных перемен в поведении женщин и в государстве [Barlow 2004].

Мужская половина китайской интеллигенции и политики не переставала осуждать женскую завистливость, жестокость, распущенность и другие «пороки», чтобы закреплять свое превосходство. Вместе с тем нельзя отрицать, что в ходе бурного процесса модернизации они смирялись с традиционно демонизированными чертами женщин и даже открыто стимулировали их проявления. Некоторые деятели культуры считали, что строптивниц не следует строжить, что этих бунтарок надо поддерживать, потому что они — сила в борьбе с традиционностью. В хаотичной обстановке первой половины XX века интеллектуалы-реформаторы и коммунисты понимали, что конфуцианские модели добродетели не позволят женщинам отказаться от предписанных им ролей. Они полагали, что для существенного прогресса социальных, культурных и гендерных реформ требовалась некоторая степень непокорности. В некоторых интеллигентских кругах проявления строптивости рассматривались по-новому, как признаки мятежного духа. Мужчины-интеллектуалы, считая себя просветителями и хранителями социального уклада, считали непокорность проблемой, но для укрепления своего революционного статуса они остро нуждались в этой подрывной силе. «Новое понимание идеального гражданина

влияло на нормы определения элитного статуса, и изменение этих норм сказалось на общем определении женственности и, следовательно, на интерпретации женского пола, — писала историк Генриетта Харрисон. — Ранее определяющими характеристиками женщин были их утонченность и слабость. Поколения молодых людей вздыхали по таким слабым и болезненным персонажам, как героиня романа “Сон в красном тереме” («Хунлоу мэн» 紅樓夢) Линь Дайюй» [Harrison 2000: 77].

Изящность и уязвимость в образе женщины уступили место пылкости. Возможно, Линь Дайюй оставалась весьма привлекательной в фантазиях мужчин, но в критических дискурсах ее следовало представлять как пример всех недостатков, сопутствующих традиционной женственности⁴. Ее никогда не считали идеалом новой женственности, а писатели никогда не упоминали ее даже в контексте осуждения вульгарности современных женщин. Дэвид Стрэнд отмечал, что «мыслящие по-новому китайцы ожидали, что в гражданском обществе женщины, как и мужчины, станут более активными, более напористыми и даже более грубыми» [Strand 2011]. Реформаторы ценили способность женщин пренебрегать нормами, даже тогда, когда это требовало поведения, традиционно считавшегося дерзким. «Новые дамы» носили провокационную одежду, которая ранее считалась признаком низкого социального статуса. Они не бинтовали ноги, чтобы сдержать рост ступней, а их высокие каблуки громко стучали, когда они гордо вышагивали в кожаных туфлях. «Вместо того чтобы тихо сидеть дома, они посещали учебные заведения и разгуливали по улицам, а иногда даже занимались спортом» [Harrison 2000: 77–78]. Некоторые женщины «выставляли напоказ предметы, владение которыми считалось прерогативой мужчин — револьверы и сигареты»⁵. Изменение взглядов на женскую вульгарность говорит о том, что формирование желаемого образа женщины повлияло на оценки характеристик строптивниц. Деятели культуры того времени заявляли, что создали модели новой женщины, но многие из этих конструкций либо были построены на литературных примерах непокорных женщин императорских времен, либо включали в себя признанные характеристики этих прототипов.

Использование термина *пола* 潑辣 (в другом написании 潑刺) в новом значении «запальчивая», «язвительная», «волевая» также указывает на изменение отношения к характеристикам строптивки. Ранее этот термин широко использовался для обозначения непокорности.

Например, в романе «Путешествие на Запад» («Сию цзи» 西遊記) царь обезьян Сунь Укун назван «шалуном», а в буквальном переводе второй иероглиф в его характеристике означает «жгучий», «перченый». В описаниях женских характеров в большинстве случаев это относится к персонажам, отличающимся вспыльчивостью, острословием, саркастичностью и жестокостью. Разумеется, такие определения ни в коем случае не могли считаться годными для описания желательных женских черт. В романе «Сон в красном тереме» строптивка Ван Сифэн представлена как хитрая озорница, а ее характеристику можно перевести как «жгучий перец». Дайюй, впервые увидев ее, была удивлена тем, насколько дерзко и невежливо та представилась⁶. Ся Цзингуй, сварливая жена Сюэ Паня, также представлена как «избалованная строптивка» [Цао 1998: 2:1491; Hawkes 1973–1986: 4: 224].

В первой половине XX века модель непокорных женщин приобрела позитивные черты. В опубликованном в 1934 году рассказе Лао Шэ (1899–1966) «Женщина из деревни Лю» («Лю тунь дэ» 柳屯的) один из персонажей отзывается о строптивой женщине, называя ее хорошей домохозяйкой [Лао 1995: 467]⁷. Ша Тин (1904–1992) в произведении «Дорога зверя» («Шоу дао» 獸道; 1936) описывает бранчивость женщины с симпатией, так как такое поведение — последнее, что у нее осталось для преодоления тягот военного времени [Ша 1957: 120]. Такой подход делает более комплексным представление о жертвенности женщин и создает модель ее стойкости.

Тема женской непокорности также увязывается с образом «китайской Норы» — яркой революционерки, готовой отказаться от женских черт во имя борьбы за свои права.

Театральный деятель Оуян Юйцян (1889–1962) поставил в 1925 году пьесу «Строптивка» («Пофу» 潑婦), отразившую

характеристики «новой женщины». Цзян Цин (1914–1991), ставшая женой Мао Цзэдуна, известная также по сценическому имени Лань Пин и как участница «Банды четырех», позиционировала себя как независимая женщина, не желающая унижаться ради удовлетворения мужчин. Писатель, государственный и общественный деятель Мао Дунь (1896–1981) в романе «Путь» («Лу» 路; 1932) призывал «новых женщин» отказаться от скромности и влиться в массы. «Не стесняйтесь, будьте смелее и вливайтесь в толпу», — писал он [Мао 1966: 319]. Эти тексты периода модернизации усиливали такие характеристики женщин, как раскованность, независимость и желание играть лидерские роли, то есть качества, ожидавшиеся от «новых женщин», которые должны были противостоять менее просвещенному, чем они, обществу.

Кризисные ситуации начала XX века в Китае создали условия для усиления социальной роли женщин, обусловив необходимость их превращения в эффективных и патриотично настроенных граждан. Образование женщин и успехи в борьбе за их права позволили им играть новые роли. На фоне реформ понятия «женщина периода модернизации» и «новая женщина» стали появляться в дискурсе интеллектуалов при определении женщин нового типа. Это были не временные определения, принятые для отличия современных женщин от традиционных. Сам факт того, что женщина жила в период модернизации не означал, что она «новая». Это были интеллектуальные и идеологические понятия, подчеркивавшие сопричастность женщин к социальным и политическим реформам. На такой инструменталистской основе в дискурсе реформаторов «новая женщина» рубежа XIX и XX веков кардинально отличалась от традиционного идеала «хорошей жены и мудрой матери» (*лянци сяньму* 良妻賢母)⁸. В частности,

некоторые публицисты в основном рассматривали женщин как матерей граждан и считали, что они должны получать образование, желательно дома, обучаясь в небольшой степени современным методам ведения домашнего хозяйства и воспитания детей, чтобы должным образом растить новое поколение [Hershatter 2019: 57–58].

В обществе такой гендерный консерватизм реформаторов сталкивался протестами женщин. Причем эти протесты усиливались по мере того, как женщины стали больше появляться в обществе в качестве преподавательниц и студенток, журналисток, революционерок и суфражисток [Bailey 2012: 25].

Несоответствие между дискурсом и реальностью сохранялось с середины 1910-х по середину 1920-х годов, когда действовало Движение за новую культуру и происходили спровоцированные Движением 4 мая события. Образы «новых женщин» становились все более разнообразными и неопределенными, как и их повседневная жизнь. В журнале Движения 4 мая «Синь циннянь» подчиненный статус женщин в конфуцианской системе семейных ценностей подвергался критике как символ подавления индивидуальности в традиционном обществе. Женщина того времени представлялась независимой и самостоятельной. «Это были образованные женщины, которые стремились сохранить страну, в то же время добиваясь личной сексуальной и экономической независимости» [Sang 2008: 182]. Работавшие женщины и писательницы призывали сторонников Движения 4 мая к эмансипации, рассказывая в художественных произведениях, в биографиях и в автобиографиях о своем жизненном опыте [Doolling 2005a].

Под воздействием Движения 4 мая термин «новая женщина» стал употребляться чаще. Хотя еще в 1918 году один из ведущих либеральных мыслителей в Китае того времени Ху Ши (1891–1962) прочитал в Пекинском женском училище лекцию, которая потом была опубликована в журнале «Синь циннянь». В этом выступлении он ввел в обращение понятие «новая женщина» — *синь фунюй* (新婦女) применительно к некоторым американкам, которых встречал за границей⁹. Ху отмечал, что «новая женщина» — это современное понятие для определения женщины нового типа, обладающей яркой риторикой, склонной к экстремальным действиям, неверующей и не соблюдающей традиционные правила поведения, но крайне умной и высокоморальной [Ху 1921].

Предложенная Ху концепция «новой женщины» имеет много общего со стереотипным образом строптивицы с такими выра-

женными качествами, как острый язык, агрессивное поведение и отрицание правил хорошего тона. Нравственность считалась необходимым качеством, но его понимание не увязывалось с конфуцианскими доктринами о морали, а отражало чувствительность женщин ко времени и к проблемам государства. Прогрессивные идеи того времени возникали на фоне некоторых обвинений женщин в противоречащих традициям действиях. Привычный набор определений, характеризовавших женщин как создающих угрозы своими словами, действиями и поведением, стал использоваться не для дискредитации строптивцев, а для укрепления доверия к «новой женщине». Как и предполагал Ху Ши, смелые и непокорные женщины могли стать великими защитницами иконоборческой идеологии нового времени.

Борьбе за права «новых женщин» способствовали и японские источники. В Японии этот термин впервые прозвучал в 1910 году, когда известный писатель и просветитель Цубоути Сее (1859–1935) прочитал цикл лекций на тему «Новые женщины в современных пьесах». На примерах произведений западных авторов — Генрика Ибсена (1828–1906), Германа Зудермана (1857–1928), Бернарда Шоу (1856–1950) и других — он ввел в обращение понятие «новая женщина», а также чуждое до тех пор японской аудитории понятие женской идентичности. Женские персонажи, которые изучались на его занятиях, «отказывались от традиционной роли жен и матерей в пользу самопознания и равноправных отношений» [Lowy 2007: 21].

Годом позже литературное общество под руководством Цубоути поставило пьесу Ибсена «Кукольный дом», главная героиня которой по имени Нора стала в Японии символом «новой женщины» и феминизма. Пьеса о том, как Нора, счастливая и заботливая мать семейства, живет с мужем, топ-менеджером банка, Торвальдом Хельмером и с тремя детьми. Однажды она тайно одолжила деньги на лечение Хельмера, подделав подпись своего отца, и стала экономить, чтобы вернуть долг. Когда тайное стало явным, муж, вопреки ожиданиями Норы, отнесся к ней как к ребенку, грубил ей, хотя она и старалась ради него. Нора разочаровалась в своем браке. После бурной перепалки с Торвальдом

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru